

Глава 16: Я еще ничего не сделал, а ты уже плачешь...

Изначально Вэй Чжэн был просто подозрителен, но последующие взаимодействия только укрепили его в этом.

Убийца отвечал на вопросы, но никогда не предлагал ничего лишнего, всегда держась на расстоянии более трех шагов. Забудьте о попытках воспользоваться ситуацией — Вэй Чжэн даже не мог прикоснуться к нему.

Вэй Чжэн сдерживал свой гнев, но когда Вэй Сан сбежал из спальни, как будто избегая чего-то, предпочитая устроиться в боковой комнате, чем делить кровать, его терпение наконец лопнуло.

Он был полон решимости докопаться до сути.

Вэй Сан не мог заснуть даже глубокой ночью, беспокойно ворочаясь в постели.

Он не был не осведомлен о плохом настроении Вэй Чжэна всю ночь, но ему даже в голову не пришло, что это может иметь какое-то отношение к нему. Вместо этого он размышлял о том, не выполнил ли он свои обязанности ненадлежащим образом, разгневав своего хозяина.

Чем больше он об этом думал, тем больше чувствовал, что потерпел неудачу во всем. Разочарованный и злясь на себя, он пытался заснуть, когда краем глаза заметил, что в спальне хозяина погас свет. Он сразу же перестал шевелиться, боясь, что любой шум с его стороны может разбудить хозяина.

Он лежал неподвижно на спине, безучастно глядя на балдахин над головой.

Чем глубже становилась ночь, тем тише становилось вокруг. В особняке принца не слышалось ни звука насекомых, ни кваканья лягушек, только изредка ночной ветерок шелестел листьями и ветвями.

Темная фигура скользнула в темноту, целеустремленно направляясь к боковой комнате. Ночной ветер эффективно заглушал звук его шагов.

Вэй Сан встал, чтобы потушить лампу. Когда его рука коснулась абажура, его боевые инстинкты мгновенно привели его в состояние готовности.

Он незаметно осмотрел окружающую обстановку, но не обнаружил ничего подозрительного. Однако его интуиция подсказывала ему, что кто-то скрывается в тени — ощущение, что за ним

наблюдают, как иголки, впивающиеся в спину, было невозможно игнорировать.

Это ощущение, будто за ним следит хищник, было ему странно знакомо. В его голове возник образ одного человека.

Императорский гвардеец, который переоделся в Вэй Лю и несколько раз пытался его соблазнить.

— О? Похоже, меня обнаружили.

Кто-то сидел на подоконнике, хотя было неясно, когда он появился. Свет свечи в комнате был тусклым, и фигура вырисовывалась на фоне лунного света, поэтому было невозможно разглядеть эмоции в его глазах.

Вэй Сан напряг все мышцы, приготовившись к действию.

Человек в темноте наклонил голову и усмехнулся:

— Дорогой, давно не виделись. Соскучился по мне?

Вэй Сан промолчал, убрав руку с абажура. Кинжал, сверкающий слабым зеленым светом, выскользнул из его рукава в ладонь, и он крепко сжал рукоять.

— Убирайся!

Он понизил голос, его тон был холодным и жестким, лишенным каких-либо эмоций.

Вэй Чжэн опустил глаза, сжал губы и нахмурился, притворяясь грустным.

— Похоже, дорогой, ты совсем не скучал по мне. А я скучал так, что все тело болит.

По мере того как он говорил, его тон становился все более холодным, кокетливое поведение проныры исчезало, сменяясь подавляющим чувством давления.

Он вошел в комнату при свете луны, его глаза были глубокими и темными, как бездна, из которой не было спасения.

Хотя часть его души тайно радовалась, что убийца, как обычно, сопротивлялся этой версии его самого, другая часть не могла не чувствовать горечи — в конце концов, даже в своем истинном облике хозяина он теперь был отстранен. Что пошло не так?

Убийца, который за последние несколько дней смягчился и укротился, теперь вдруг избегал

его, как чумы.

Может быть, старый император поговорил с убийцей за его спиной и повлиял на него? Или дело в чем-то другом?

Вэй Чжэн подозревал не только старого императора, но и наследного принца и Дуань Линя. Но он не мог быть уверен, поэтому решил сначала спровоцировать убийцу, чтобы тот потерял самообладание и, возможно, раскрыл причину.

— Теперь, когда ты поднялся по социальной лестнице и стал любимцем принца, ты оттолкнул меня и совсем забыл обо мне. Как жестоко.

— Принц может прикасаться к тебе, ласкать тебя и делиться с тобой интимными моментами, а я не могу?

Он точно знал, какие слова разозлят Вэй Сана. И действительно, как только он закончил говорить, несколько тонких, похожих на волосы ядовитых иголок полетели ему в лицо. Вэй Чжэн не уклонился; иголки задели его щеку и вонзились в деревянную раму окна позади него.

Иглы глубоко вонзились в дерево, ясно показывая, что могло бы случиться, если бы они попали ему в голову.

— Заткнись! Не думай, что все такие же грязные, как ты. Хозяин благороден и добродетелен — как кто-то вроде тебя может с ним сравниться?

— Если ты еще раз будешь клеветать на хозяина, эти ядовитые иглы не просто попадут в дерево — они вонзятся в твой череп!

Вэй Сан был в ярости, но, стиснув зубы, прошипел, стараясь говорить тихо.

Его слова были резкими, и любой, у кого есть хоть капля самосознания, почувствовал бы стыд. Но императорский гвардеец не рассердился, а лишь усмехнулся.

— Ты так яростно защищаешь принца... Может быть...

Он помолчал, подумав на мгновение, прежде чем продолжить:

— Может быть, ты испытываешь чувства к принцу?

Когда он задал этот вопрос, сам Вэй Чжэн был удивлен. Казалось, он действительно надеялся, что убийца испытывает к нему особые чувства. Бессознательно он хотел услышать, как Вэй Сан либо подтвердит это напрямую, либо уклонится от ответа, приведя какие-то оправдания. К сожалению, ни того, ни другого не произошло.

Выражение лица Вэй Сана оставалось неизменным от начала до конца, ясно показывая, что он не питал тех чувств, на которые надеялся Вэй Чжэн.

Убийца выглядел так, как будто его сильно оскорбили, и строго отчитал его:

— Как подчиненный господина, я просто обязан его защищать. Как ты смеешь, императорский гвардеец, клеветать на мою верность господину?

— Ты действительно думаешь, что все такие же извращенные, как ты?

Чем больше он говорил, тем больше злился. Он чувствовал, что императорская гвардия оскорбляет не только его, но и господина. Как убийцы или императорская гвардия, их цель была жить для своего господина — господин был всем. Это было то, что их лидер повторял им с детства.

Вспомнив, как этот императорский гвардеец всегда неуважительно относился к господину, Вэй Сан начал подозревать, что тот может замышлять измену.

В других обстоятельствах Вэй Сан скорее убил бы три тысячи человек по ошибке, чем пропустил бы одного. Но текущая ситуация была неидеальной.

Он опустил глаза, погрузившись в раздумья. Может быть, он мог бы выманить его на улицу и застать врасплох?

Вэй Сан искренне намеревался убить его. Он хорошо скрывал свои убийственные намерения, но Вэй Чжэн, проведенный с ним столько времени, давно привык ко всем его маленьким привычкам. Как он мог не знать, что замышляет Вэй Сан?

Он был одновременно зол и развеселен. С одной стороны, Вэй Сан избегал его, с другой — заявлял о своей лояльности перед другими. Что же именно творилось в голове этого убийцы?

Боковая комната не располагала к каким-либо действиям, и Вэй Чжэн также беспокоился, что Вэй Сан может обнаружить, что главная спальня пуста. По совпадению, оба они думали о том, как выманить друг друга из боковой комнаты.

Зная, что Вэй Сан не подчинится добровольно, Вэй Чжэн прибег к небольшой уловке.

Слабый, почти незаметный аромат начал проникать в комнату. Те, у кого не очень чувствительный нюх, могли даже не заметить его.

Как только Вэй Сан понял, что это было, он затаил дыхание. Временная спальня хозяина находилась прямо по соседству — как эта козел посмел применять такие подлые уловки прямо у хозяина под носом?

Потрясенный и разъяренный, но опасаясь потревожить спящего по соседству хозяина, он не осмелился действовать опрометчиво. Он мог только возмущенно поглядывать на приближающегося императорского гвардейца.

Смягчающий порошок был эффективен против обычных людей, но его было недостаточно, чтобы обезвредить убийцу. Вэй Чжэн не собирался полностью выводить Вэй Сана из строя — достаточно было лишь снизить его ловкость на двадцать процентов.

Вэй Сан сжал руку, и действительно, его движения были менее ловкими, чем обычно. Воспользовавшись моментом, Вэй Чжэн сократил расстояние и обезоружил его, выбив кинжал из руки.

Тело убийцы было усыпано смертоносным оружием, и Вэй Чжэн не осмеливался рисковать. Чтобы обезвредить Вэй Сана, он должен был сначала нейтрализовать его руки.

Конечно, он не мог заставить себя вывихнуть запястья убийцы, поэтому сдерживался, а Вэй Сан не был из тех, кто легко сдаётся.

Их стили боевых искусств происходили из одной школы, но Вэй Чжэн был, естественно, более опытен и изучал их более глубоко. Вэй Сан специализировался на смертоносных техниках, предназначенных для убийства одним ударом — в реальном бою он не был ему ровней. В сочетании со своими многочисленными оговорками он быстро оказался в невыгодном положении.

— Учитывая нашу историю, ты мог бы хотя бы проявить немного милосердия. Так легко прибегать к смертоносной силе — это действительно разбивает мне сердце.

Вэй Чжэн сказал, что его разбило сердце, но его глаза были полны радости.

Мягкий порошок для сухожилий циркулировал по его телу вместе с потоком ци; то, что сначала было легкой слабостью, теперь усилилось до умеренной степени. Убийца тяжело дышал, его сопротивление было явно слабее, чем раньше.

Воспользовавшись моментом, Вэй Чжэн прижал Вэй Сана к столу, заломил ему руки за спину и крепко сжал запястья. Убийца мог только гневно посмотреть на него из-под лобья и неохотно сказать:

— Ты не боишься, что хозяин узнает и свернет тебе голову?

Для Вэй Чжэна угроза убийцы не казалась устрашающей — напротив, она напоминала ему напыщенную кошку, которой подстригли когти и которая пытается запугать ничем, кроме мягкого, свирепого взгляда.

Ему пришла в голову озорная мысль. Под ужасающим взглядом Вэй Сана он освободил одну

руку и потянулся к его трусам, зацепив пальцем за шнурок. Наклонившись к его уху, он тихо прошептал:

— Конечно, я боюсь. Но мне еще больше интересно — учитывая твою непоколебимую верность принцу, что он подумает, если обнаружит, что ты развлекаешься прямо у него под носом? Он простит тебя из уважения к твоей преданности?

Вэй Чжэн, конечно, дразнил его, но мысль о таком сценарии вызвала в нем проблеск предвкушения.

Возможно, острые ощущения от нарушения запрета заставили бы убийцу плакать от стыда и ярости.

Убийца, казалось, искренне рассматривал эту возможность. Вэй Сан мгновенно побледнел — он знал, что этот человек вполне способен выполнить свою угрозу.

Его взгляд невольно устремился к темной спальне, и в оцепенении он представил себе хозяина, стоящего у двери, смотрящего на него с презрением и отвращением, называющего его отвратительным и низким, оскверняющим его взгляд.

От одной только этой мысли у Вэй Сана потемнело в глазах, как будто небо обрушилось на него.

Все его тело неконтролируемо дрожало, и он почувствовал сильный, пронизывающий до костей холод.

Он дрожащим голосом пробормотал.

— Уйди... не подходи ко мне...

Вэй Чжэн наконец заметил, что с убийцей что-то не так. Его сердце сжалось, и он повернул убийцу к себе лицом. Уставившись в пару слезных глаз цвета персика, он замер.

Его избили до слез?

Глаза убийцы были красными, а кончик носа покраснел до очаровательного розового цвета. Чем больше Вэй Чжэн смотрел, тем больше он испытывал к нему нежность. Не в силах удержаться, он прижал его к себе, поцеловал его влажные глаза и подразнил:

— Почему ты такой нежный? Я еще ничего не сделал — только немного подразнил тебя, а ты уже плачешь.